

АКАДЕМИК И.П.ПАВЛОВ: СТИЛЬ РАБОТЫ, ПОДВИЖНОСТЬ МЫСЛИ, ДОМИНАНТА ДЕЛА

В.К.Болондинский

(Институт физиологии им. И.П.Павлова РАН., С.-Петербург, Россия)

Об И.П.Павлове написано много. Помимо воспоминаний современников (его сотрудников, учеников, родных и знакомых) в последнее десятилетие вышли из печати книги, посвященные И.П.Павлову, его личности и его трудам [1-3]. Проводились конференции в связи со 100-летием со дня присуждению Павлову Нобелевской премии (2004 г.) и в связи со 160-летием со дня его рождения (2009 г.). В этой статье мы хотим обратить особое внимание на личность этого неординарного человека, на некоторые его черты, которые имеют особую важность для научных работников любой области науки и для руководителей научных коллективов.

Стиль работы. Павлов не был кабинетным учёным. Он любил природу и восхищался ею. Ему очень нравились Колтуши, тенистый парк и сад. Любил он физический труд, и из письма горнякам мы знаем, что не меньше, чем умственный. Однажды, его сотрудник В.В.Строганов (1967) приехал к Павлову на дачу в Силламяги. Иван Петрович был занят работой по уходу за садом. В этот день он заменял старый запылённый песок с дорожек сада новым песком с прибрежной морской полосы. По-видимому, это, с первого взгляда малопродуктивное и весьма трудоёмкое занятие входило как одно из звеньев в задуманный и осуществляемый им план по содержанию сада. Строганова поразило, с одной стороны, видимая малая эффективность выполняемой работы (таскание песка в ведрах снизу вверх с берега моря на высокий берег было тяжёлой задачей, требовавшей значительного физического напряжения), а, с другой стороны, исключительная жизнерадостность и бодрость исполнителя самой работы. Физическое напряжение, видимо, доставляло Ивану Петровичу истинное наслаждение.

И.П.Павлов любил художественную литературу, историю, искусство, о чем мы знаем из воспоминаний его современников. Но самое важное свидетельство того, что он не был кабинетным учёным, был стиль его работы. Он не сидел с утра до вечера в своём кабинете. Так, А.Ф. Самойлов (1967) был поражён императивным темпераментом, силой и мощью научного облика Ивана Петровича. В задачах, которые он себе ставил и в ухватках при их выполнении чувствовалась какая-то отвага и даже удаля. Когда он утром входил или, вернее, вбегал в лабораторию, то вместе с ним вливалась сила и бодрость, лаборатория буквально оживала, и этот повышенный деловой тонус и темп работы держались на той же высоте вплоть до позднего вечера, когда он уходил, но и тогда ещё у дверей он быстро давал наставления, что ещё следует непременно

сегодня сделать и с чего начать завтрашний день. Он вносил в лабораторию всего себя, и свои мысли, и свои настроения. Всё, что им было вновь надумано, обсуждалось совместно, со всеми сотрудниками. Он любил споры, он любил спорщиков, он подзадоривал их. Он любил споры потому, что во время дебатов ему самому нередко ещё лучше вырисовывалась какая-нибудь новая, ещё только замеченная идея, острее оттачивалась новая мысль, отшлифовывался какой-либо новый изгиб её. Для молодых же учёных лучшей школы, чем эти дебаты, вероятно, и не придумать.

Каждой темой, им данной, Иван Петрович руководил лично и повседневно (повседневно!). Знал он и помнил всё, что делается по каждой теме, и ни одна вариация опыта без его санкции не осуществлялась. Среды Павлов начал проводить, чтобы каждый работник знал, что делается другими. Это были живые беседы. Секрет Павловских сред ныне утерян.

Павлов всегда поражал своих сотрудников тем, что работу каждого он знал лучше, чем сам работающий. Происходило это отчасти потому, что Павлов всё время думал о работе. Кроме того, у него была выдающаяся память. Ясность его ума, умение самый сложный предмет изложить в простых выражениях были изумительными. Его доклады, опубликованные в «Двадцатилетнем опыте...» (Павлов, 1951), во-первых, образец того, как надо центрировать свою мысль на главной идее, главном направлении, и, во-вторых, признание того, что важнейшим для тех или иных теоретических построений был всегда «господин факт». Все его ученики отмечают его приверженность фактической стороне дела: недаром он проводил сам лично половину своего времени в лаборатории на опытах сотрудников, сам знал цифры протоколов опытов, обладая прекрасной памятью, их долго помнил и приводил, когда надо было обсудить тот или иной материал.

При этом Павлов никогда не превращался в архивариуса фактов, он пытался проникнуть в тайну их возникновения, настойчиво искал и находил законы, им управляющие. Именно такой стиль работы: от фактов – к теории – был основой плодотворности его научной деятельности.

Подвижность мысли. Переключение. Наиболее полно подвижность мысли И.П.Павлова освещена в воспоминаниях В.В.Строганова (1967). Подвижность мысли – это – как говорил И.П.Павлов – необходимое условие для тех, кто посвятил себя подлинному научному исследованию. Всякий новый эксперимент должен быть целеустремленным, всякий вариант опыта должен подтвердить или отвергнуть то или иное ваше предложение, он должен быть освещён вашей творческой идеей, вашим обобщением, сделанным на основе ранее полученных фактов.

При получении новых фактов надо уметь своевременно заменять своё первоначальное предположение новым. Это - одна из предпосылок развития науки, чему Павлов всегда следовал. «Для плодотворности

научной мысли должно постоянно сомневаться и проверять себя» (Павловские среды, т.1, с.286). «С первых же шагов он предупреждал каждого молодого исследователя об опасности рутины в научном мышлении, о необходимости безусловной точности в отношении найденных фактов, о всемерной обоснованности каждого теоретического представления, каждого нового обобщения» (Строганов, 1967). На средах Павлов не раз возвращался к этому вопросу. Он говорил: «Мне самому приходится переделываться, я всю жизнь переделываюсь под влиянием лекарственных веществ... Комбинация брома с кофеином заставляет меня пересмотреть свои позиции по данному вопросу» (Павловские среды, т.2, с.354).

Так, Н.К.Кольцов (1967) пишет о том, что благодаря многочисленным опытам на мышах, поставленных Е.А.Ганике, И.П.Павлов отказался от гипотезы о том, что условные рефлексы, благодаря тренировке в ряде поколений, переходят в безусловные. Опыты Н.П.Студенцова, в которых учился сам экспериментатор, не подтвердились. И Павлов не настаивал на этой гипотезе. Тем не менее, он решил не останавливаться и изучать дальше проблему наследования – генетику высшей нервной деятельности. В Колтушах в 1932 г. было построено здание, в котором в звукоизолированных камерах на собаках было продолжено это изучение. Павлов решил сконцентрировать усилия этой колтушской лаборатории на передаче по наследству типологических свойств нервной системы.

Характерная черта не только деятельности, но и жизни Павлова – переключение. Не окончив семинарии в Рязани, он поступает в Петербургский университет, окончив университет, он поступает учиться в ВМА. В науке хорошо известен его путь переключения от кровообращения к пищеварению и к высшей нервной деятельности. Но и в каждодневной жизни одним из факторов стимулирования научной деятельности было переключение на другие интересы – на спорт, на картины его коллекции, на работу в саду, на чтение художественной литературы. Такое переключение было своеобразным отдыхом от научного думанья, которое после переключения становилось более свежим и продуктивным.

Доминанта дела. О доминанте дела и в то же время о большой скромности говорят слова И.П.Павлова, обращённые к М.К.Петровой (1967): «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Просто я непрестанно наблюдаю и думаю о своём предмете, целиком сосредоточен на нём, поэтому и получаю положительные результаты». Эту сосредоточенность на предмете исследования Павлов превыше всего ценил и в других. Он говорил, что надо неустанно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с этим вставать. Он вспоминал, как какой-то доктор, ведя опыт, в паузах читал газету, а не продолжал наблюдение:

«Уж я его чистил, чистил». В работе Павлов был неутомим. С 10 часов утра и до 6 часов вечера он усиленно работал, без перерыва, 6 дней в неделю. Эту его неутомимость отмечают все, работавшие с ним ученики и сотрудники. Конечно, такой ритм и стиль работы задавался тем подлинным интересом, который испытывал И.П.Павлов к ещё неоткрытым явлениям в деятельности мозга, постоянным думаньем о предмете исследования. Эту напряжённую работу он продолжал и дома, засиживаясь до поздней ночи. Он изучал новые проблемы, выработывал новые методы, приобретал новые знания. Свои знания он накапливал на протяжении 50 лет – отсюда и необъятная широта его интересов (Андреев, 1967).

Интерес Ивана Петровича к научно-исследовательской работе и к ФАКТАМ, получаемым каким-либо сотрудником, совершенно отодвигал на задний план все остальные соображения – ранг сотрудника, его лабораторный стаж и т.д. Результаты эксперимента заслоняли на время все остальные качества исследователя (Анохин, 1967). К.М.Быков (1967), пишет о необыкновенной творческой атмосфере лаборатории И.П. Павлова. Яркое пламя научного энтузиазма, страстность в исканиях самого Ивана Петровича, его необычайная исследовательская напряжённость и какая-то особенная животворящая атмосфера всей лаборатории так подействовала на Быкова, что он находился в каком-то восторженном настроении. Возможно, и в этом заключался особый феномен исследовательской работы Павлова вместе с сотрудниками.

Вспышки гнева и реакции нетерпения, которые нередко бывали у Павлова, надо связать с помехами на работе. Его целеустремленности, его поглощённости делом что-то мешало или кто-то мешал. Другая причина таких вспышек была в том, что он не допускал в работе ни малейшего легкомыслия или небрежности. Известна его требовательность к точности эксперимента. И если в работе сотрудника такой точности и пунктуальности не было, то дело кончалось разносом. Наконец, гнев его, опять-таки связанный с увлечённостью работой, был следствием противоречий, которые высказывали к его новой идее те или иные сотрудники. Когда у Павлова (на основании опытов) родилась новая мысль, и он её обдумал и даже обсудил с некоторыми сотрудниками, то спорить с ним было трудно. Он «налетал» на всякого несогласного, засыпал его рядом аргументов и фактов, мог накричать, обругать. Ему надо было приступить к проверке своего предположения, и тут всякое возражение мешало ему работать, и потому он старался удалить его со своего пути. Возражавший вызывал досаду тем, что задерживал процесс осуществления этой новой мысли, нового плана работы. Тут у Павлова можно было заметить громадное упорство. Но никогда не было упрямства. Когда опыты не обнаруживали ожидаемого, он, не колеблясь, изменял свои взгляды.

Особое значение в его неутомимых поисках и беспрестанной деятельности мысли имела страстность в его работе и его исканиях. Он весь отдавался работе и любил её. В его работе не было безразличия и скуки. Павлов подчеркивает, как пишет Л.А.Орбели (1967), важность азарта, страсти, без которых подвинуть научно-исследовательскую мысль нельзя. Только исключительная сила страсти может заставить преодолеть затруднения. И, действительно, кто видел этого страстного, кипучего, вечно работающего, вечно находящегося в движении человека, тот может оценить его научную страстность. Дело доходило до того, что получив какой-нибудь интересный факт, какое-нибудь маленькое интересное наблюдение, он бежал комнату за комнатой, чтобы поставить всех в известность о важном, с его точки зрения, событии. Установив важное положение или подметив новый факт, он вызывал всех и тут же начинал публичное обсуждение. Эта манера (публично мыслить) способствовала уточнению его соображений, мыслей и вместе с тем вовлекала сотрудников в работу.

Его профессиональное дело было главным в жизни. Оно было выше любви, выше практичности. В своей автобиографии (Павлов, 1954) он пишет, что мечтал найти радость в жизни – в умственной работе, в науке – и нашёл её там. Эту свою целевую, страстную, доминантную направленность в жизни он прекрасно выразил в статье «Рефлекс цели» (Павлов, 1951): «Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к достигаемой, но никогда не достижимой цели, или с одинаковым пылом переходит от одной цели к другой. Вся жизнь, все её улучшения, вся её культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно всё, пустяки, как и всё важное и великое в жизни: удобства жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (учёные люди), добродетели (высокие люди) и т.д.»

Его научная страстность была, конечно, не только природной особенностью склада его ума и темперамента, не только привычкой, выработанной в жизни, но и следствием глубокой веры в науку. В разговоре с Е.М.Крепсом (1967) он говорил: «Моя вера – это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки. Я верю, что человеческий разум и его высшее воплощение – наука – избавят род людской от болезней, от голода, от вражды, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера даёт мне силы и помогает вести свою работу».

Режим дня И.П.Павлова. Рабочий день Павлова по данным его биографов (Фролов, 1939) специально изучавших режим его дня, начинался рано – в 7 ч. 30 мин. Дополнительно 30 минут сна он ввёл в режим только в последний год как скупую дань возрасту. Расписание дня проводилось им с точностью, достойной графика движения поездов. Ровно в 8 он пил утренний чай с молоком, хлебом и маслом, которое

намазывал непременно левой рукой. Но он не был левшой. Обе руки его были равно сильны. Наряду с правой, левой рукой он оперировал, играл в городки.

До 8 ч. 30 мин., по предписанию врачей, он проводил в абсолютном покое. Для этого он усаживался в удобное кресло в зале и наслаждался своим собранием картин, которых за долгую жизнь у него скопилось около 100, исключительно русских художников. Из зала, отдохнувши среди своих картин, Павлов направлялся в кабинет. Здесь за научной работой по вторникам и субботам он проводил время до 9 ч. 30 мин., после чего отправлялся в Институт экспериментальной медицины, а в пятницу он на целый день до 6 ч. 30 мин. выезжал в Колтуши на свою Биологическую станцию. В прочие дни Павлов работал у себя по утрам несколько дольше – до 9 ч. 50 мин. Он утверждал, что эти утренние часы – лучшее и продуктивнейшее время его работы.

В Физиологическом институте Академии наук Павлов бывал два раза в неделю: и в нервную, и психиатрическую клиники он отправлялся пешком. Павлов никогда никуда не опаздывал. Еще в 1934 г. Павлов совершал своё путешествие пешком из дома на 7-й линии в Физиологический институт в течение 20 минут. В последний год, уступая возрасту, он разрешил себе роскошь расходовать на то же расстояние на 5 минут больше. Но организм Павлова не сразу согласился принять этот дар. Ноги по привычке несли его быстрее на целых 5 минут, так что он вынужден был сдерживать темп.

Из Физиологического института Павлов строго размеренной походкой отправлялся домой завтракать. Ровно в 12 ч. 30 мин. – завтрак, на который вместе с раскладыванием любимого пасьянса учёный ассигновал из своего жестокого бюджета времени полчаса. Вообще пасьянс был существенной составной частью его домашнего времяпрепровождения и отдыха. Пасьянс был одним из его «десертных блюд» за завтраком, обедом и вечерним чаем.

Весь последующий час, также по врачебному предписанию, Павлов проводил лёжа, в той же зале, и с тем же никогда не угасающим наслаждением рассматривая до мельчайших деталей давно знакомые полотна картин, иногда слушая музыку. Об этой страсти знали многие певцы и певицы Театра оперы и балета (Мариинского театра) в Ленинграде. Изредка, в дни отдыха Павлова, они приезжали к нему, чтобы пением доставить удовольствие великому учёному. Сам же Павлов театров не посещал. В литературе он любил классиков. Он всегда сожалел, что для чтения у него не остается времени, за исключением летнего периода.

Время с 2 до 6, т.е. до обеда, Павлов проводил в разные дни по-разному - то в Физиологическом институте, то в Колтушах, куда он, как сказано выше, по пятницам выезжал на автомобиле к 9 ч. 30 мин. утра, то в клиниках и т.д. Обед сопровождался удлинённым, по достатку времени,

пасьянсом. Отдых продолжался до 9 часов. Павлов садился за вечерний чай, а в 10 час. уже проходил в свой кабинет, где работал до 1 ч. 30 мин. (Фролов, 1939). В.Н.Болдырев (1967) также пишет, что жизнь Павлова была строго распланирована. За 10 лет работы Болдырева в ВМА в качестве ассистента Павлов пропустил лишь одну лекцию – и то по болезни.

Заключение. В этой статье мы не освещаем материалов грандиозной научной работы И.П.Павлова и его сотрудников. Его научная деятельность высоко оценена и его современниками, и последователями. Несомненно, Павлов был гением науки, прежде всего в области нервной регуляции органов пищеварения и в создании учения о высшей нервной деятельности. Настоящая статья посвящена личности Павлова, в которой он выступает как образец учёного и человека. Эта статья дополняет наши предыдущие публикации, посвященные И.П.Павлову, его отношению к религии (Болондинский, 1997), его увлечениям искусством, книгами, спортом (Болондинский, Куприянова, 1999). Это была цельная натура, прекрасный образец учёного и организатора и в то же время – образец здорового образа жизни.

Литература

1. И.П.Павлов: pro et contra / сост.: Ю.П.Голиков, К.А.Ланге. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1999. – 800 с.
2. И.П.Павлов – первый нобелевский лауреат России / авт. и сост.: А.Д.Ноздрачёв, Е.Л.Поляков и др. – СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2004. – Т.1. – 527 с.; Т.2. – 815 с.; Т.3. – 544 с.
3. И.П.Павлов: достоверность и полнота биографии / сост.: Ю.А. Виноградов, Ю.П.Голиков, Т.И.Грекова. – СПб.: Росток, 2005. – 416 с.
4. Андреев, Л.А. Великий учитель и мастер научного творчества // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.14-25.
5. Анохин, П.К. Несколько эпизодов из моих встреч и бесед с И.П. Павловым // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.26-40.
6. Асратян, Э.А. Иван Петрович Павлов. – М.: Наука, 1981. – 440 с.
7. Болдырев, В.Н. Работа у Ивана Петровича Павлова // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.62-64.
8. Болондинский, В.К. И.П.Павлов о религии // Журн. высш. нервн. деят. – 1995. – Т.45, вып.5. – С.1062-1067.
9. Болондинский, В.К. И.П.Павлов в кругу семьи и друзей / В.К. Болондинский, Н.К.Куприянова. – СПб.: Изд-во «Нотабене», 1999. – 177 с.
10. Быков, К.М. Мои первые встречи с И.П.Павловым // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.65-68.
11. Кольцов, Н.К. Труд жизни великого биолога // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.111-116.
12. Крепс, Е.М. Иван Петрович Павлов и религия // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.129-133.
13. Орбели, Л.А. Памяти Ивана Петровича Павлова // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.162-175.
14. Павлов, И.П. Автобиография // Библиография трудов И.П.Павлова и литературы о нём. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.7-9.

15. Павлов, И.П. Рефлекс цели // Полное собр. соч., 1951. Т.3, кн.1. – С.306-313.

16. Павлов, И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных // Полное собр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т.3, кн.1. – 392 с.; Т.3, кн.2. – 438 с.

17. Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Т.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 360 с.

18. Павловские среды. Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Т.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 613 с.

19. Петрова, М.К. Из воспоминаний // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.176-183.

20. Самойлов, А.Ф. Общая характеристика исследовательского облика И.П.Павлова // И.П.Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.203-218.

21. Строганов, В.В. Первое знакомство и моя работа у Павлова // И.П. Павлов в воспоминаниях современников. – Л.: Наука, 1967. – С.230-235.

22. Фролов, Ю.П. О стиле работы И.П.Павлова // Сов. наука. – 1939. – №9-10.